
Пролог

СССР, Москва, стадион «Лужники»

27 мая 1971 года

Пришедшая после долгой зимней серости весна добавила столице ярких и сочных красок. Дни понемногу становились длиннее, теплое солнце растопило последние остатки снега и льда. Город проснулся и оживал на глазах: мокрые клумбы пестрели первыми цветами, деревья обзаводились молодой листвой, москвичи все чаще появлялись на улицах в легкой одежде.

В этот погожий майский день у касс стадиона «Лужники» с самого утра выстроилась огромная очередь. На многочисленных окошках висели написанные от руки объявления: «Все билеты на прощальный матч Л.И. Яшина проданы». Тем не менее люди стояли в ожидании чуда. Вдруг пощастливится? Вдруг какая-нибудь делегация не сможет прибыть из другого города или опоздает? И тогда бронь снимут, а билеты выбросят в свободную продажу.

ЛЕВ ЯШИН

Проезжая мимо, три поливальные машины обдали людей искрящимися брызгами. Очередь шархнула в сторону, но стоило влажной пыли осесть на мигом потемневший асфальт, страждущие вновь заполнили брешь в нескончаемой цепочке.

Ожидание чуда продолжалось...

* * *

— Продолжается дружественный визит в Египет советской делегации во главе с Председателем Президиума Верховного Совета СССР Николаем Викторовичем Подгорным... — буднично вещал голос диктора из работающего радио.

Кухонное окно московской квартиры Яшиных выходило на юго-запад; солнце заглядывало в него лишь к обеду. Все в этой квартире выглядело сегодня буднично: на плите стояла сковорода, в которой Валентина — супруга Льва Ивановича — готовила аппетитные сырники; глава семейства в ожидании обеда читал за столом газету; две дочери о чем-то спорили в детской, расположенной через зал от кухни.

Квартира тоже была самой обычной, впрочем, как и обстановка внутри. Разве что большой сервант, стоящий по центру длинной зальной стены, несколько отличался от своих собратьев в

ВРАТАРЬ МОЕЙ МЕЧТЫ

таких же московских квартирах. За его стеклом на фоне дальней зеркальной стенки хранились многочисленные кубки и награды за спортивные победы Льва Ивановича. Да еще, пожалуй, бросался в глаза вымпел с динамовской символикой, висящий над обычным диваном. На красном атласном треугольнике блестели медали и ордена, полученные Яшиным за длинную спортивную карьеру.

Внезапно дверь детской распахнулась, в коридор выбежала старшая дочь — четырнадцатилетняя Ирина. Ее преследовала девятилетняя Алена.

— Отдай! Ну, отдай же!.. — требовательно голосила младшая.

— Фигушки! — оглядывалась на бегу Ира. — Не будешь бросать где попало, поняла?!

— Ма-ам!..

Но привычная к шалостям дочерей мама на жалобы и просьбы о помощи не реагировала.

— ...В процессе визита будет подписан договор о дружбе и сотрудничестве СССР и Объединенной Арабской Республики. Как отметил президент Египта Анвар Садат, этот договор послужит укреплению дружбы между народами СССР и Египта и будет способствовать разрядке напряженности на Ближнем Востоке... — монотонно-официальным тоном читал текст диктор.

ЛЕВ ЯШИН

И все же сегодня для Льва Ивановича был особенный день. Занимаясь готовкой, Валентина изредка оглядывалась и посматривала в его сторону. Однако супруг оставался спокойным — ничто не выдавало волнения в преддверии знаменательного события.

— ...И в заключение — новости спорта, — произнес диктор внезапно потеплевшим голосом. — Сегодня в Москве, на Центральном стадионе имени Ленина, состоится футбольный матч, в котором встретятся сборная клубов всесоюзного спортивного общества «Динамо» и сборная мира, за которую выступят Бобби Чарльтон, Герд Мюллер, Джачинто Факкетти и другие признанные мастера мирового футбола...

Голос потонул в шуме — в кухню ворвались девчонки.

— Ну, что опять не поделили? — с напускной строгостью спросила мама.

— Она мою заколку не отдает! — пропищала Алена.

Валентина сняла с головы свою заколку и сунула в руку младшей дочери.

— Возьми. И быстро за стол!

Толкаясь и смеясь, сестры уселись за обеденный стол.

— ...Но для советских болельщиков и любителей спорта всего мира эта встреча запомнится в

ВРАТАРЬ МОЕЙ МЕЧТЫ

первую очередь как последний, прощальный матч легендарного вратаря московского «Динамо» и сборной СССР Льва Ивановича Яшина, на протяжении долгих лет...

Не любил глава семейства суеты и шума вокруг своего имени. Свернув газету, на центральном развороте которой тоже бросался в глаза крупный заголовок статьи о предстоящем прощальном матче, он дотянулся до радиоприемника и выключил его.

— Ну, па-ап, сейчас же про тебя будут говорить!.. — посмотрела на отца Ирина.

Лев Иванович пододвинул к себе тарелку, вооружился столовыми приборами и принялся сосредоточенно есть. Раскладывая по тарелкам сырники, Валентина опять с беспокойством посмотрела на мужа.

— А почему диктор сказал, что наш папа — легендарный? — спросила младшая Алена. — Я думала, что легендарным бывает только что-то очень старое...

Не донеся до рта кусочек сырника, Яшин замер и уставился на дочь. «Вот и дочка туда же — о старости, — с грустью подумал он. — Может, следовало повременить с уходом из большого спорта, с прощальным матчем? Ведь никто не гнал из команды...»

— ...Ну, там крейсер «Аврора», героини революции или Гражданской войны... — с детской непосредственностью продолжала она.

ЛЕВ ЯШИН

Поймав на себе взгляды взрослых и старшей сестры, она замолчала. За столом воцарилась тишина. Но ненадолго — глава семьи заразительно рассмеялся, прервав тем самым неловкую паузу.

Облегченно выдохнув, Валентина улыбнулась. Не хотелось ей, чтоб в такой знаменательный день у мужа вдруг испортилось настроение.

* * *

Солнце зависло над соседними домами — до полудня оставалось около двух часов.

После сытного и вкусного завтрака девочки затихли в своей комнате — должно быть, Ирина читала вслух, Алена слушала. Старшая сестра хорошо успевала в школе, умела читать с выражением и глубоким чувством. Младшая любила сидеть напротив и слушать.

В тесной прихожей горел свет. Зашнуровав ботинки, Лев Иванович неторопливо надел пиджак, подошел к зеркалу. Постояв перед ним, причесал волосы, медленно положил на полку расческу. Рядом суетилась Валентина: одернула полу пиджака, смахнула щеткой невидимую пылинку с костюма...

Сегодняшний день в жизни Льва Ивановича был очень важным, но вели себя супруги совер-

ВРАТАРЬ МОЕЙ МЕЧТЫ

шенно по-разному. Валентина волновалась, что-то все время говорила и не могла усидеть на месте. Яшин, напротив, был спокоен и молчалив. Он всегда в самые ответственные моменты замыкался, молчал и размышлял над ситуацией.

— Подожди-ка, — подтянула она и поправила узел его галстука.

— Скажи, Валя, — вдруг очнулся он от задумчивости. — Могла ли ты когда-нибудь представить, что станешь женой легендарного вратаря? Легендарно-го?!

Она отшутилась:

— А ты мог когда-нибудь представить, что жена такого легендарного человека будет по утрам варить тебе кашу и заваривать чай?

Их взгляды встретились. Стоя перед зеркалом, они смотрели друг на друга и не смеялись над шутками. Такое происходило редко.

— Ты ведь сам все решил, — тихо сказала Валентина.

— Сам?! — удивился супруг. И, словно вспомнив о чем-то, согласился: — Ну, да — сам. Только ведь я, кроме футбола, ничего больше делать не умею. Понимаешь, Валя?

Коротко вздохнув, будто приняв окончательное решение, он повернулся к ней лицом. Она положила руки ему на плечи и тепло сказала:

ЛЕВ ЯШИН

— Последний матч — еще не последний день жизни. В твоей судьбе просто начинается другой этап. Новый.

Лев Иванович с благодарностью посмотрел на нее и наконец улыбнулся, потому что из детской послышались голоса — кажется, дочери снова спорили.

— Ладно, к трем часам собери девчонок — за вами заедут.

— Про соду свою не забудь, — взяла супруга лежащий на полке небольшой пакетик. — А то язва прихватит не вовремя и не к месту.

Сунув снадобье в карман пиджака, она поцеловала руки мужа.

— Ну я же тебя просил, — запротестовал он.

— На удачу...

* * *

«Сколько же раз мне довелось ездить этим маршрутом? — размышлял Лев Иванович, поглядывая то на дорогу, то на проплывавшие мимо кварталы. И сам же мысленно ответил: — Практически каждый день на протяжении многих лет. Сначала с Валею поселились в районе Маяковки, потом перебрались на Кутузовский проспект, ну а большую часть жизни прожили в Чапаевском

ВРАТАРЬ МОЕЙ МЕЧТЫ

переулке. Вот и колесил в спорткомплекс этой дорогой...»

Спустя сорок минут автомобиль Яшина подъехал к служебным воротам стадиона «Лужники». Перед въездом степенно разгуливал молодой постовой в парадной милицейской форме. Сначала он заметил тормознувшую машину, затем узнал сидевшего в ней человека. И моментально преобразился: лицо потеплело, губы растянулись в улыбке, правая ладонь сама собой взлетела и распрямилась у козырька новенькой фуражки.

Пока неторопливо открывались створки тяжелых чугунных ворот, мимо проследовал конный наряд милиции. И эти сотрудники, часто дежурившие на территории стадиона во время матчей, узнали знаменитого вратаря.

Яшин приветственно махнул им. Машина тронулась и исчезла на дорожках территории большого спортивного комплекса...

Припарковав автомобиль на служебной стоянке, Лев Иванович подхватил объемную спортивную сумку и направился к входу в раздевалку. Сегодня он шел туда медленнее, чем обычно. Крутил по пути головой, всматривался в каждую деталь, словно старался запомнить все до мельчайших подробностей.

ЛЕВ ЯШИН

По дороге к стадиону изредка встречались работники спортивного комплекса. Кого-то он знал в лицо, кого-то видел впервые. Но каждый считал своим долгом поприветствовать его, сказать несколько теплых слов. Яшин сдержанно кивал в ответ...

В этот день Лев Иванович приехал на игру раньше обычного — в раздевалке было пусто. Воздух пах свежестью, а только что вымытые уборщицами полы блестели влагой. Пройдет немного времени, и здесь станет шумно. Но пока было удивительно тихо.

Яшин сел на скамейку, расстегнул молнию сумки, вынул сложенную стопкой чистую выглаженную форму. Верхним в этой стопке был знаменитый черный свитер с эмблемой «Динамо». С неторопливой аккуратностью голкипер положил форму рядом на лавку и начал вынимать все остальное: бутсы, гетры, перчатки.

Затем несколько минут сидел неподвижно, глядел на все это и вспоминал...

* * *

В чаше стадиона пока не было зрителей, из-за чего она казалась неестественно пустой. Однако приготовления к матчу шли полным ходом. Многочисленный технический персонал поправлял

ВРАТАРЬ МОЕЙ МЕЧТЫ

газон, обновлял разметку, осматривал воротную сетку, устанавливал на штатные места угловые флажки...

Готовился к репортажу и Николай Озеров. Обосновавшись в комментаторской будке, он налил из термоса в чашку горячий кофе, рецепт которого ему много лет назад поведал наставник — Вадим Синявский. Затем он присел на рабочее место, подвинул к себе микрофон и прижал к уху микрофон гарнитуры.

— Внимание. Проверка, проверка. Аппаратная, как меня слышно? — спросил он.

— Да-да, все в порядке, — откликнулся звукооператор. — Слышу вас нормально, Николай Николаевич.

— Ну и хорошо. Попросите, пожалуйста, чтобы уточнили: у нас все по плану, никаких изменений?

— Сейчас сделаем...

В это время к служебной стоянке плавно подкатил автобус, который ожидала приличная толпа репортеров из разных стран мира. Чуть ближе к входу в подтрибунные помещения стоял Лев Яшин, руководство футбольного клуба «Динамо» и несколько функционеров из Спортивного комитета СССР.

Беспрестанно фотографируя и выкрикивая вопросы, журналистская братия расступилась, об-